

В тот день на Боковой заставе, стояло лишь пятидесятитысячному войску Сицзя войти в ворота, воцарилось мёртвое молчание. Тысячи воинов — и на стенах, и у их подножия — застыли, не проронив ни звука перед телом Ло Ина.

Метнув свой длинный меч, Лин Шу стремительно поднялся на стену. Глядя на то, как из раны Ло Ина струится тёмная кровь, он замер. Лицо его побледнело, с губ не слетало ни звука.

Спустя мгновение на колени опустились несколько помощников генерала, годами следовавших за ним. Вслед за ними преклонили колени тысячи воинов. Но тишина по-прежнему стояла гробовая. Обычно хладнокровный Вэй Мэндо теперь ощутил, как к горлу подступает тревога. Стоило кому-то заронить в толпу искру мятежа — и армия поднимет бунт.

Он обернулся и подал знак своим стражникам быть начеку. Однако это не укрылось от взгляда одного из помощников Ло Ина. Сглотнув подступившие слёзы, тот глухо произнёс:

— Генерал Вэй может быть спокоен. Наш командир никогда не шёл против воли двора. Не пошёл сегодня, не пойдёт и впредь. Мы, его подчинённые, свято чтим его заветы и бунтовать не станем.

Видя, что худшего удалось избежать, Вэй Мэндо немного расслабился. Черты его лица смягчились:

— Верность долгу генерала Ло заслуживает глубочайшего уважения, я искренне преклоняюсь перед ним. Я немедленно доложу обо всём Его Величеству, чтобы решить, как достойно устроить похороны.

Вэй Мэндо медленно приблизился к телу Ло Ина и отвесил покойному глубокий почтенный поклон. Затем он поднял с земли меч Чжэньбин, принадлежавший Лин Шу, и повернулся к юноше:

— Господин Лин, вы слишком долго отсутствовали в столице. В депешах Его Величество то и дело спрашивал о вас, крайне тревожась за вашу жизнь. Прошу вас вернуться со мной.

— Возвращаться мне или нет, я решу сам, — глухо бросил Лин Шу, не поднимая головы и даже не глядя на генерала. — И в чужих советах не нуждаюсь.

Вэй Мэндо небрежно передал меч Чжэньбин одному из своих гвардейцев и шагнул ближе к юноше. На его губах играла вежливая улыбка:

— Его Величество вверил мне жезл Ичжэнь. Если господин Лин откажется ехать добровольно, гвардии Ичжэнь придётся взять вас под стражу и доставить силой. Согласитесь, ехать под

конвоем куда менее приятно, чем по собственной воле. Что скажете?

Лин Шу холодно процедил:

— Кто сказал, что я не хочу возвращаться? Я отправляюсь в столицу сию же минуту!

— Вот и славно, — кивнул Вэй Мэндо. — Гора с плеч.

Весь путь до столицы Лин Шу проделал под бдительным надзором гвардейцев Ичжэнь. Стоило им миновать ворота Лояна, как он первым делом направился в Верховный суд, чтобы наскоро уладить дела, а затем без промедления поспешил к дворцовым стенам, требуя аудиенции у императора.

Лин Шу никогда не считался со временем, когда ему требовалось видеть государя. На дворе стояла глухая ночь. Когда дежурные стражники и евнухи передали весть во внутренние покои, Ян Тао пришлось нехотя отстранить нежившуюся в его объятиях красавицу, подняться с ложа и выйти в зал.

Осень уже перешагнула свой порог: ночи дышали ледяной сыростью, увядшая листва платанов кружилась под порывами ветра. Лин Шу стоял у подножия яшмовых ступеней, ведущих к императорской опочивальне. Он смотрел снизу вверх на правителя — взгляд его был прикован к Ян Тао, лицо казалось застывшей маской сосредоточенной суровости.

Заметив, как бледен его любимец, Ян Тао спустился на пару ступеней ниже.

— Наконец-то соизволил явиться, — негромко произнёс он.

— Я пришёл спросить у Вашего Величества лишь одно, — глухо отозвался Лин Шу. — Зачем вы довели генерала Ло до смерти?

Голос юноши звучал непривычно резко и холодно. Ян Тао нахмурился и после недолгой паузы усмехнулся:

— Ты что же, смеешь упрекать меня?

Лин Шу промолчал. Он лишь продолжал упрямо смотреть на императора — его тёмные глаза блестели сурово и непримиримо, он не собирался отступать ни на шаг.

Ян Тао замялся. Он хотел спуститься ещё ниже, но в последний момент убрал ногу назад. Глядя на натянутую, как струна, упрямую фигуру Лин Шу, он внезапно ощутил, как внутри закипает раздражение.

— На колени! — оборвал он его.

Лин Шу послушно опустился на холодные плиты.

— Набрался ума-разума на чужбине, — ядовито бросил Ян Тао. — Стоило переступить порог дворца, как ты принялся перечить мне. С каких это пор вы с Ло Ином стали закадычными друзьями? Он сам лишил себя жизни, а ты взваливаешь эту вину на меня? К тому же, даже если бы это было не так: коли государь велит подданному умереть, разве тот смеет ослушаться?

— Все они твердили, что нельзя пускать Цзинь Яжэня за заставу, — негромко заговорил Лин Шу. — Что это значит — впустить волка в дом. Беды империи Да Янь мы должны решать сами, за закрытыми дверями, не призывая на помощь чужеземцев.

Ян Тао искоса взглянул на него и холодно обронил:

— Кто эти «все»? Кто ещё, кроме Ло Ина?

Лин Шу лишился дара речи. Он лишь поднял глаза на государя. Заметив в его взгляде обиду и упрямый протест, Ян Тао процедил сквозь зубы:

— С кем ты возвращался из Сицзя? Думал, если я сижу в столице, то ничего не знаю? Вырастил на свою голову! Неужели ты положил глаз на Ян Е? На это ничтожество, которое хуже дикого зверя?!

Лин Шу вздрогнул, но лишь крепче закусил губу. Ян Тао вглядывался в его лицо, тщетно пытаясь разгадать его мысли. Внезапная ярость ослепила его.

— Зря я тратил на тебя годы! Хорош, нечего сказать! — прошипел он и, слетев по ступеням, со всей силы пнул юношу в бок.

Лин Шу покачнулся от удара, но тут же упрямо выпрямился, удержавшись на коленях. В то же мгновение раздался короткий вскрик Ян Тао. На влажных от ночной росы каменных ступенях ноги императора разъехались — вложив слишком много сил в удар, он потерял равновесие и неловко повалился на землю. Левую щиколотку обожгло нестерпимой, пронзительной болью.

Вне себя от стыда и злости, Ян Тао остался сидеть прямо на ступенях. Главный евнух, стоявший у дверей дворца, бросился было к нему на помощь, но император яростно рявкнул:

— Прочь!

Присутствующие оцепенели от страха и поспешно отступили назад.

Ян Тао обернулся и вперил бешеный взгляд в Лин Шу:

— Ты... ты действительно... Неужели ты задумал предать меня?!

Лин Шу низко склонился, со стуком ударившись лбом о холодный камень:

— Ничтожный слуга не смеет! Я... я никогда не предаю Ваше Величество!

На гладкую плиту упала крупная слеза, тихо стукнув о камень. Этот едва слышный звук заставил Ян Тао вздрогнуть. Слезы юноши коснулись самых сокровенных струн в душе императора, и его гнев начал мало-помалу угасать.

— Я растил тебя не для того, чтобы ты позорил меня на глазах у всех, — уже тише пробормотал он. — А если уж оступился, почему упрямылся и не шёл назад? О чём... о чём ты только думаешь?

Земля была сырой и ледяной. Ян Тао заёрзал на ступенях, чувствуя, как холод пробирает до костей. Взглянув на Лин Шу, всё так же бездвижно стоявшего на коленях, он понял, что юноше приходится ещё тяжелее.

— Поднимись, — вздохнул император. — Ступай к себе и хорошенько подумай над своими ошибками. Подумай и исправься.

— Я не считаю, что совершил ошибку, — упрямо ответил Лин Шу. — Но мне горько, что генерал Ло погиб так безвинно.

На лице Лин Шу блестели дорожки от слёз. Ян Тао молча созерцал его. Юноша почти никогда не плакал. Император помнил лишь один такой случай — когда они встретились впервые. Лин Шу тогда был совсем ребёнком, лет семи или восьми. Стояла точно такая же глубокая осень. Мальчик, закутанный в огромный взрослый плащ, сидел под карнизом чужого дома и растерянно смотрел на него. Тогда в уголках его глаз тоже застыли невысохшие слёзы.

Дядя Лин Шу, помощник министра военных дел Вэнь Юнфэн, оказался замешан в заговоре против престола. Род Вэнь постигла страшная кара: поместье разграбили, всех близких приговорили к смерти, а слуги и имущество отошли казне. Ян Тао тогда исполнилось четырнадцать, он уже носил титул наследного принца. Отец-император поручил ему помочь председателю Верховного суда разобраться с этим делом. Будучи по природе человеком мягким и щепетильным, Ян Тао лично просматривал списки приговорённых к казни. Наткнувшись на имя Лин Шу, он коснулся свитка кончиком кисти и спросил у судьи:

— Кто этот ребёнок? Он ведь не принадлежит к роду Вэнь. За что его казнят?

Председатель Верховного суда лишь развёл руками и вызвал допрашивавшего чиновника. Тот

небрежно пояснил:

— Говорят, сирота, племянник помощника министра Вэня. Родители давно померли, деваться бедняге было некуда, вот и приютили у родственников. Ему от силы лет семь-восемь. Даже если пощадить его, на улице он всё равно долго не протянет.

Ян Тао тогда нахмурился:

— Раз он чужой по крови, убивать его нельзя, даже если ему суждено погибнуть от голода.

С этими словами он занёс кисть и вычеркнул имя Лин Шу из расстрельного списка.

К тому времени, как с делами было покончено, Лоян уже окутали сумерки. Выйдя из ворот ведомства, Ян Тао увидел мальчика: стражники выставили его прочь, и он сидел в одиночестве под нависающим карнизом. Ян Тао скользнул по нему взглядом, сел в паланкин и велел трогаться. Но даже уехав далеко, принц никак не мог избавиться от ощущения, что эти огромные, блестящие, как угольки, детские глаза всё ещё провожают его взглядом. Не выдержав, Ян Тао приказал остановиться. Немного подумав, он велел повернуть назад — и забрал мальчика во дворец.

С тех пор пронеслось больше десяти лет. Чиновников в империи Да Янь сменилось без числа, и сейчас вряд ли кто-то вспомнил бы о покойном помощнике министра Вэне. Зато мальчик, которого принц приютил и вырастил с такой заботой, вырос в ходячую неприятность. Научился спорить, дерзить и злить своего благодетеля. А стоило сорваться и проучить упряма пинком, как сам же подвернул ногу.

Ян Тао потёр ноющую щиколотку и вдруг негромко рассмеялся:

— Безвинно погиб, говоришь? Да он, может, потому и расстался с жизнью, что ты крутился подле него. Будешь и дальше оплакивать его участь — накличешь беду, так что его душа и переродиться не сумеет. Юаньмэй, убавь-ка свой пыл и ступай обратно в свой Верховный суд!

Лин Шу замер. Он крепко сжал зубы и глухо произнёс:

— Слушаюсь. С этого дня... ничтожный слуга заперётся в стенах Верховного суда и никогда больше не покажется вам на глаза.

Он медленно поднялся с колен и, подгоняемый порывами холодного осеннего ветра, пошёл прочь. В очертаниях его удаляющейся фигуры читались непримиримое одиночество и горькая решимость.

Ян Тао, осознав смысл его слов, пробормотал себе под нос:

— Решил сам себя запереть? Что ж, тем лучше. Меньше будет совать нос в чужие дела. Пусть сидит там хоть до конца дней своих — мне же спокойнее!

Из-за досадного происшествия император несколько дней не мог проводить утренние приёмы. По дворцу поползли слухи, будто Его Величество в порыве гнева пнул левого заместителя судьи Верховного суда и умудрился покалечить собственную ногу. Столь нелепая весть мгновенно взбудоражила умы придворных. Сплетни в кулуарах расцветали самыми яркими красками, но, к счастью для Ян Тао, до его ушей они не долетали.

На четвёртый день горы прошений выросли настолько, что Ян Тао велел доставить их прямо в свои покои. Сверху лежало донесение с северных рубежей. В нём сообщалось, что князь Чжао Ян Си вместе со всем своим войском устроил пышные поминки по генералу Ло Ину, покончившему с собой на Боковой заставе.

Император пришёл в ярость и швырнул свиток на пол:

— Лицемеры! Не по вашей ли вине мне пришлось просить помощи у этого проходимца Цзинь Яжэня?! Не из-за вашего ли упрямства Ло Ин наложил на себя руки?! И о том, при каких обстоятельствах погиб Лю Шулинь, даже не думайте мне лгать — уж я-то знаю всю правду!

Князь Чжао Ян Си и Бэйчэнь Цин, искренне восхищённые мужеством покойного Ло Ина, приказали со всеми почестями обустроить поминальные залы в обоих лагерях, обязав воинов склонить головы перед прахом павшего героя.

Ян Е, совершив поклонение вместе с Бэйчэнь Цином, позже отозвал его в сторону и негромко заметил:

— Ну и упрямец этот Ло Ин. Если уж чувствовал себя преданным, почему бы не перейти на нашу сторону? Так глупо расстаться с жизнью — непозволительная растрата. К тому же он напрочь лишил императора лица. Ян Тао наверняка теперь ненавидит его до глубины души. Даже если покойному и назначат посмертные почести, всё это будет лишь пустой формальностью ради приличия.

Бэйчэнь Цин, искренне горевавший по воину, лишь тяжело вздохнул:

— С его характером было бы глупо надеяться на измену. Пока Ло Ин удерживал Боковую заставу, нам не нужно было беспокоиться о восточном направлении. Нам оставалось лишь охранять заставу Фэньюй, и угроза со стороны Сицзя сошла бы на нет. Но теперь, когда пятидесятитысячная конница Цзинь Яжэня у самого порога, дело принимает скверный оборот. Боюсь, нам придётся на время отступить и не лезть на рожон.